

Леонид Парфенов:

не хочу, чтобы меня считали снобом и гадом

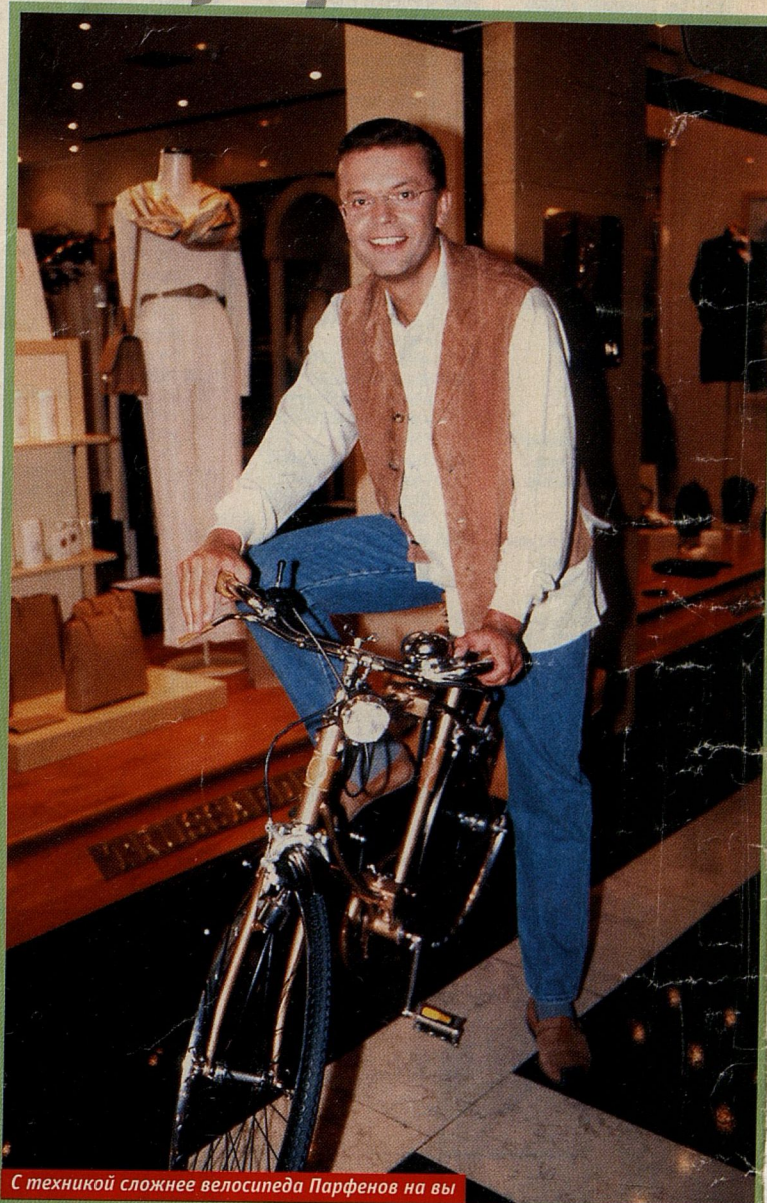
На экране он — эстет, щеголь, человек с голливудской улыбкой и ироничным взглядом поверх изящных дорогих очков. В жизни он сутулится, щурится (поскольку очки при зрении — 3,5 не носит из принципа) и на людей малознакомых нередко производит впечатление зануды и сноба. Он — находка для телеобозревателей, поскольку причастен к множеству громких телепроектов. Он — проклятие для светских хроникеров, потому что никогда никому и ничего не рассказывает о своей частной жизни. В преддверии его Новогоднего бенефиса (см. стр. 12) и личного юбилея (в начале 2000 года ему исполнится сорок лет) корреспонденты «ТВ Парка» предприняли очередную попытку разговорить Леонида Парфенова.

— Вы как-то сказали, что в вас экранном мало вас настоящего.

— Понимаете, одно дело — человек, читающий и любящий Набокова, а другое — человек, который вылез на экран и по поводу того, что он читал Набокова, еще что-то объясняющий. Набоковщина в нем в результате десяти-

кратно увеличивается, и он поневоле сам начинает выглядеть снобом, любителем жить на Большой Морской, ловить бабочек, пользоваться гостеприимством пятизвездочного швейцарского отеля и так далее. Отсюда и эстет, и позер, и самоимиджмейкер, и все на свете. Огромное количество людей, наверное, полагают, что я так и хожу по проспекту в визитке, а я обычно ношу джинсы и свитерок.

Фото Альбины Яблоńskiej

С техникой сложнее велосипеда Парфенов на вы

Семейный шопинг (с женой Еленой Чекаловой)

— Почему вы не любите рассказывать о себе как о частном лице? Вы что-то скрываете?

— Я ничего не скрываю. Мне просто неловко об этом говорить. Да и что говорить-то? Как западные звезды — рассказывать про размеры дома, про поездки по миру и про то, что я больше люблю шампанское брют, чем шампанское полусухое? Вот тут я, точно, прослышу снобом и гадом.

— Интересно, а в какой момент и как

произошла трансформация советского обывателя Парфенова в Парфенова, который полусухому шампанскому предпочитает брют?

— Вы что, всерьез? Нет у меня никаких шампанских пристрастий! А вообще, меня поселили в общежитии ЛГУ с болгарами, когда у меня собственных алкоголических вкусов еще не было. Благодаря этому я разошелся с двумя традиционными гастрономическими пороками русского человека. Во-первых, я не пью водку под горячее, во-вторых, я никогда не пил никаких портвейнов. «Три семерки», «Агдам», «Даляр» — это я никогда не мог проглотить.

116-115

— А что вас сподвигло в свое время оставить родной Череповец и поехать в Ленинград, поступать на журфак?

— В семье не без урода. У нас в семье два «урода»: младший брат Владимир, бизнесмен, в Питере, и я — в Москве. А вся моя родня — в Череповце. До нас с братом никто не уезжал, родители мои и сейчас там живут. Что касается профессии журналиста, я просто ничего другого делать не умею. Я в детстве был неумехой, спортом не интересовался, техникой не интересовался. Дома ничего не делаю, потому что только сломаю. Если раскручу что-то, окажутся лишние детали. Компьютер не знаю как включать — тексты пишу от руки. Другое дело, что желание стать журналистом считалось жутко нескромным в той среде, в которой я вырос. «А поступать куда будешь?» — «На факультет журналистики!» Это выглядело жуткой претензией, это было из другой жизни. В какой-то другой жизни жили Эренбурги и Песковы. Большая часть детства прошла при том, что телефон в квартире — это роскошь. Люди, у которых автомобили, высокие потолки и паркет, — это был другой быт, другая жизнь. Когда я в первый раз увидел, что в «Комсомольской

правде», оказывается, сидят по два-три человека в комнате, для меня это было жуткое потрясение. Мне казалось, что журналисты в Москве... они там творят! А как можно творить в комнате, где все завалено? Меня очень поразила эта жуткая неряшливость, когда кругом какие-то старые рукописи, старые газеты, грязные кружки из-под чая, какие-то коптильнички...

— Но привыкли вы к этому довольно быстро?

— Нет, я это и сейчас терпеть не могу. Немытая кружка меня выводит из себя. Вся эта, так называемая, советская богема: «Старичок, давай, надо перекурить, это дело обкашлять», — я это всегда ненавидел. Этот треп, за которым никогда не стояло никакого дела, эту нечистоплотность в большом и малом — в деле, в жизни, в быту, в... как это сказать-то? — в интиме. Грязноватенькие романы. Неряшливость текстов, фронда в кулак, коридорный юмор, очень не люблю это все. И в этом ведь прошли шестидесятые, семидесятые и большая часть восьмидесятых годов отечественной журналистики! Неуважение к факту при огромном желании долго-долго рассказывать бедной публике о своем отношении к любому событию —

Парфенов: запомните, дети, яблоки гораздо полезнее гамбургеров

Леонид, Иван да Марья

Маша: папа, срочно звони в «Службу спасения»!

это называлось публицистикой и считалось высшим классом.

— Давайте лучше поговорим о более приятных вещах. У вас есть любимое место в доме, где вам всегда хорошо и уютно? Может, это спальня, или кабинет, или кухня...

— Я очень люблю ужинать дома. Особенно после съемок, потому что тогда это мой единственный человеческий поступок за день. Сначала душ, чтобы весь этот грим смыть, потом халат, и до этого ничего не есть. А потом есть медленно, с каким-то неторопливым разговором, обязательно с вином, и чувствовать, как, с одной стороны, усталость спадает, а с другой стороны — она переходит в такое приятное состояние начала дремы. Вот эти часа полтора-два — это единственное время для спокойного разговора, когда дети уже спят, когда все закончилось и

уже нет никаких сил сейчас начать еще что-то делать, потому что все равно ничего хорошего не получится.

— А вообще, где и как вы любите отдыхать?

— Есть три вида отдыха. Кратковременный — по счастью, есть дача, вот уже два года. Вообще, я бы всегда жил за городом, и, если жизнь позволяет, я так и поступаю. Есть отдых познавательный, но познавательных поездок так много по работе, что большой потребности в них и не чувствуешь. Ну и, разумеется, есть отдых на море — самый лучший.

— Просто лежать на пляже, купаться?

— Лежать, купаться. Лучше всего, конечно, когда это не резервация вокруг гостиницы: песок, бассейн, ресторан. Лучший случай — это когда какой-то городок, милый, приморский, в котором можно бродить, гулять, что-то съесть, на что-то посмотреть, пойти к морю, уйти от моря.

— Вы вроде бы собирались делать операцию на глазах. Так и не сделали?

— Нет времени. Операцию саму делают быстро, но потом две недели нельзя толком работать. А очки мне надоели, я к ним так и не смог привыкнуть, несмотря на то, что

носил их с четвертого класса. Я их изредка надевал и тут же снимал. Сейчас уже год почти их не ношу.

— У вас линзы?

— Ничего у меня нет. Часто бывает, что я, например, в сумерках «останкинских» коридоров не первым здороваюсь. Я не могу прочесть расписание в аэропорту. Каждый раз для меня это мука, потому что толкать кого-то и говорить: «Слушай, прочитай вот там вот», — это вызывает странную реакцию у людей. Я встречал маму и тетю, они ко мне приезжали, и не мог найти Череповец в расписании на Ярославском вокзале.

— Но это уже какая-то принципиальность нездоровая. Можно же с собой носить очки, чтобы иногда их надевать.

— У меня их нету! Я понимаю, что если я очки сейчас куплю, то решение этой проблемы опять отодвинется до «навсегда».

— Вы как-то сказали, что не любите смотреть кино по телевизору или на видео. А у вас получается ходить в кино в качестве обычного зрителя? Или вы все больше по презентациям, фестивалям?

— На фестивали я не езжу никогда, только в этом году был в Канне первый раз. И мне еще раз стало яс-

Парфенов: я уже устал играть! Маша: а мы еще нет!

но, что люди, которые ездят на фестивали, — это люди с совершенно другой психологией. Я не понимаю, как можно приезжать в это место, чтобы сидеть в кинозале. Я не киноман, для меня это чужь собачья. Мне вот говорят люди: «Ой, мы были на Каннском рынке». А я им: «Как же, каннский рынок, знаю. Какой там рыбный ряд! Боже мой! А какие там сыры, какие копченые рябчики, и все стоит копейки!» Я ходил туда, как француз, за жратвой, и даже сэкономил кучу денег, потому что там все дешевле, чем в Москве. А в кино я хожу, как любой нормальный человек, — покупаю билет и иду. Вот, в «Ролан» хо-

Ваня и Маша: папа у нас не силен в информатике

Немного отдохнуть все-таки не помешает

дил на «Хрусталеv, машину!» и на «Черную кошку» Кустурицы.

— И попкорн, как любой нормальный человек, покупаете?

— Нет, я не люблю всю эту американскую дрянь подростковую. Я не могу ни пить кока-колу, ни есть попкорн, ни гамбургеры эти. Один запах «Макдоналдса» напоминает мне беляши по семнадцать копеек, которыми на выходе из метро торговали...

— Понятно. Но мы немножко отвлеклись от темы. Кино вы предпочитаете смотреть в кино. А что смотрите по телевизору?

— Я телевизор не смотрю совсем, разве что новости НТВ. Я в принципе не телезритель.

— Вам, наверное, жена рассказывает.

— Нет, она телекритиком уже давно не работает.

— А чем она занимается сейчас?

— Детьми, Ваней и Машей. К сожалению, это часто бывает с занятыми папами — они приходят к праздникам. Папа приходит, ему все рады, папа тоже рад... И это нечестно по отношению к мамам, потому что папа всегда кажется хорошим, а мама — строгой, мама работает кнутом — воспитывает, отчитывает, а папа только пряники раздает. Это ужасно, поскольку работать пряником — очень легкое и подлое занятие.

— То есть уроки вы вместе с детьми не делаете?

— Изредка. Сейчас Ваньке задали такую социологию, предложили что-то там проанализировать, и он захотел проанализировать рекламу. Мы с ним перебирали разные разности и решили написать про рекламу «Кóмета». Я ему покажу на видео фрагменты «Покровских ворот», потому что вся эта реклама ведь сделана на Инне Ульяновой.

— Сколько же лет Ивану, что ему такое задают?

— Ване одиннадцать лет, он уже в седьмом классе учится. А Маше шесть.

— У вас репутация западника, а тут имена как из русской сказки — Иван да Марья.

— Кто вам сказал, что я западник? Ну а если уж вы мне хотите пить такое квасное славянофильство, то и Иван, и Мария — это древнееврейские имена. Ване имя специально выбиралось, еще до его рождения. А Мария — это логически следовало из первого выбора. Им, кстати, эти имена очень подходят, они очень Иван да Марья.

— Как они к папе на экране относятся?

— Понимаете, я же не Хрюша или Степашка, я еще ничего не делал, кроме ведения «Форты Бай-яр», что бы могли смотреть мои дети. Хотя нет, сын у меня смотрел «Пушкина».

— И как ему?

— «Нормально», — сказал. От него многого не дожدهшься.

Александр Бергер,
Андрей Паламарчук
Фото Василия Скворцова